

Н. И. Петев

*Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

СТАНОВЛЕНИЕ «НОВЕЙШЕЙ» МОРАЛИ И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ НИЦШЕ Ф. В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА.

Данная работа посвящена вопросу соотношения современной модели индивидуализированной морали и концепции переоценки ценностей и становления свободного индивида Ницше Ф. Парадигма формирования современной аксиологической системы, в том числе в аспекте нравственных ценностей, в своих формах проявления имеет радикальный, а иногда и кардинально противоположный морали характер. Можно наблюдать диапазон отношения к нравственности от нравственного эскапизма и нигилизма, базирующегося на тоталитарном индивидуализме, до деспотичного морализаторства, положения которого лишают человека того, что необходимо для реализации морали – свободы выбора и воли. *Основная цель:* выявить параллели между предполагаемой Ницше Ф. возможностью становления «новой» морали и моделью «новейшей» нравственной системы индивидуума в современном обществе. *Методология:* в данной работе использованы диалектический, сравнительный, этический методы анализа. Кроме того, применялись элементы религиозоведческого и психологического подходов. Данный комплекс методов и подходов позволяет детально и последовательно изучить как концепцию «новой» морали Ницше Ф., так и «новейшую» мораль современного индивида, для того, чтобы в последующем произвести их сравнительный анализ, выявляя определённые параллели и расхождения в их положениях. В *результате* данной работы автор приходит к определённым выводам: 1. Несмотря на то, что по форме основных положений концепции «новой» и «новейшей» морали схожи, но по содержанию они диаметрально противоположны (первая предполагает формирование моральных форм, последняя – нет); 2. Обе эти формы создают векторный вакуум поведения индивида, при этом «новейшая» обладает особым радикальным, категорическим характером; 3. Ницше Ф. предполагал, что новые формы морали принесут индивиду свободу, «новейшая» система нравственности формирует безличностного индивида (без ответственности, а соответственно без свободы воли); 4. Ницше Ф. указывал на необходимость реставрации (обновления) нравственности, а «новейшая» мораль – это вообще отсутствие морали.

Ключевые слова: переоценка ценностей, мораль, свобода воли, индивидуальность, ответственность, «новейшая» мораль, самоидентичность, разложение нравственности.

N. I. Petev

*Vladimir state University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE FORMATION OF «NEWEST» MORALITY AND REVALUATION OF VALUES NIETZSCHE F. IN THE PARADIGM OF MODERN MAN.

This work is devoted to the question of the relationship between the modern model of individualized morality and the concept of revaluation of values and the formation of a free individual from Nietzsche F. The paradigm of formation of the modern axiological system, including

in the aspect of moral values, in its forms of manifestation has a radical, and sometimes radically opposite to morality. We can observe a range of attitudes to morality from moral escapism and nihilism, based on totalitarian individualism, to despotic moralism, which in its provisions deprives man of what is necessary for the realization of morality, namely freedom of choice and will. *The main aim:* to reveal parallels between Nietzsche's supposed possibility of becoming a «new» morality and the model of the «newest» moral system of the individual in modern society. *Methodology:* this article uses dialectical, comparative, and ethical methods of analysis. In addition, some elements of religious studies and psychological approaches were applied. This set of methods and approaches allows us to study in detail and consistently both the concept of Nietzsche's «new» morality and the «newest» morality of the modern individual. This is necessary to make a comparative analysis of them, revealing certain parallels and discrepancies in their positions. As a result of this work the author comes to the following conclusions: 1. Despite the fact that the form of the main provisions of the concept of «new» and «newest» morality are similar, but in content they are diametrically opposite (first of these involves the formation of the moral forms, the latter is not); 2. Both of these forms create a vector vacuum of individual behavior, while the «newest» has a special radical, categorical character; 3. Nietzsche F. assumed that new forms of morality will bring the individual freedom, while the «newest» system of morality forms an impersonal individual (without responsibility, and therefore without free will); 4. Nietzsche F. pointed out the need to update morality, and the «newest» morality is the absence of morality at all.

Keywords: revaluation of values, morality, free will, individuality, responsibility, «newest» morality, self-identity, decomposition of morality.

DOI 10.22405/2304-4772-2020-1-1-49-64

Если рассматривать современное состояние морали и степень нравственности индивида, то в этической парадигме можно отметить две главные тенденции – это чрезмерное и категорическое, иногда доведённое до абсурда, социальное (См. примечание № 1) морализаторство и моральный хаос, представленный совокупностью диаметрально противоположных установок различных индивидов. Ницше Ф. отмечал, что люди определяются различными моральями, их поступки не однозначные, и в этом нет никакого недостатка [12, с. 186]. Согласно его мнению в зависимости от цели существуют различные системы нравственных установок и ценностей: оправдание, успокоение, возбуждение внутреннего довольства собой, позволяющие скрыться, преобразиться и возвыситься и т.д. [12, с. 125]. Можно предположить, что в рамках подобного понимания морали нравственная система носит инструментальный характер, обосновывая ту или иную сторону экзистенции индивида (мышление, отношение, поведение и т.д.). Иными словами, мораль, как нечто единое, представляет собой специфическую монадологическую систему, предполагающую постоянные изменения, а также возможность бесконечного количества форм и степеней проявления. Однако если влияние монад друг на друга исключается [8, с. 421-422], различные системы морали не только взаимодействуют (дополняют друг друга, противостоят, обосновывают и т.д.), но и их взаимоотношения вызывают взаимокоррелирующие изменения, влияющие на их внутреннее содержание, что проявляется в виде инкарнирования индивидом принципов и установок (См. примечание № 2). Индивидуальный нравственный синтетизм – это симптом современного разложения в сфере морали, приводящий к абсолютной дисперсии внутренней архитектоники, нивелированию ценностей и стандартов, подмене понятий и

феноменов нравственности явлениями иных сфер. Он также является характерной чертой современного индивида (См. примечание № 3).

Таким образом, превозносится абсолютный, категоричный нравственный плюрализм. Отсутствие демаркации и чётких границ инициирует легитимность поведения без определённых ограничений, хотя сама мораль по своему внутреннему содержанию скорее есть больше ограничения, чем позволение [5, с. 691]. Несомненно, что любой запрет связан с ограничением или пресечением доступности к желаемому, так как то, что не желаемо, то не приходится запрещать [16, с. 102]. Даже если это желаемое имеет положительную оценку самого индивида, не обязательно, что оно таковым является по содержанию. Современный же индивид старается создать систему ценностей, где каждая субъективная оценка предмета или явления будет легитимной, и соответственно обосновывающей существование того или иного феномена или явления. В подобной общей системе даже дифферентные и исключающие друг друга понятия имеют возможность существования. Однако не всегда наличие большого количества разрозненных и противоположных элементов могут создать целостную систему, особенно при условии, что у системы имеются определённые границы, поэтому часто некоторые элементы могут отвергаться в её построении (См. примечание № 4). Для современного человека «моральная свобода» ассоциируется не с поиском новых элементов для ценностной системы в процессе их тщательного отбора, а с всепоглощающей и жадной вседозволенностью, которая имеет приматом прихоть, эффективность и отсутствие воли. Несомненно, что «человек создает собственный аксиологический образ мира, прочерчивает свою ось координат добра и зла, в соответствии с которой он совершает поступки, выстраивает свое поведение» [5, с. 697]. Однако не всегда такая субъективная оценка, особенно продиктованная вождениями, аффектами (См. примечание № 5) и удовольствиями как приматами мышления и деятельности, способствует адекватному пониманию мира и самоопределению, и более того, обозначению рационального и позитивного вектора жизнедеятельности. То, что мыслиться как метод индивидуальности, через преодоление границ, запретов и ограничений, может являться формой декаданса и саморазрушения.

Ницше Ф. предъявляет определённые обвинения морали, а именно в том, что она сделала человека слабым [11, с. 56-57]. В частности, его критике особенно подвергались идеалистические системы нравственности. Например, критикуя рационализм и идеализм античных философов в аспекте аффектов и инстинктов (в том числе Сократа и Платона), указывал, что то, что должно было стать средством избавления от декаданса, стало лишь формой его выражения [11, с. 25]. Подобная тенденция наблюдается и в современном мире – положения абсолютной морали претерпевают кризис, не только как часть религиозных систем, но и как автономные философские концепции и социально-идеологические положения, направленные на консолидацию. Однако проблема не в самих абсолютных ценностях, а в тех индивидах, которые используют их в спекулятивных целях (зачастую чисто

прагматических и утилитарных), или тех, кто реализует их в гиперболических формах, что ведёт к дисперсии содержания, и как следствие, к девальвации самой морали. Современная ненависть и отрицание моральных ценностей, в частности абсолютного характера, указывает на определённое чувство ресентимента, вызываемое пассивностью самого индивида. Дело в том, что современный человек часто ненавидит абсолютную мораль только по тому, что он не может ей соответствовать. Её внутреннее содержание, по его мнению, является причиной его слабости, безвольности, пассивности. В такой ситуации единственным способом удовлетворить внутреннюю моральную необходимость – создать такую систему, которая будет иметь более низкие требования, и оправдывать вышеуказанные качества индивида (См. примечание № 6).

У современного индивида мелкобуржуазный подход к нравственности, где главенствует коммерция, принцип обмена и переход качественного в количественное [1, с. 149-150]. Поэтому и количественно большее лучше качественного меньшего. В связи с таким положением вещей, несомненно, иницируется приоритет индивидуальной, созданной самим человеком, морали, как перед другими индивидуальными, так и перед абсолютными, что может приводить к девиантному и асоциальному поведению, мышлению и отношению, порой в маргинальных формах. Дело в том, что коммерческий подход иницирует положение, в котором успех, польза и материальное благополучие (См. примечание № 7) не только драпируются в некое моральное превосходство, но и отождествляются с ним. Ещё Спиноза Б. отмечал, что тот, кто больше ищет пользы для себя (для своего самосохранения), тем более он обладает нравственной силой [15, с. 232]. Однако, необходимо произвести чёткую демаркацию между тем, что способствует самосохранению и тем, что является простым, безосновательным и пустым потреблением без необходимости (См. примечание № 8). Второе, несомненно, ведёт к метаморфозам внутреннего содержания индивида, вызывающим деструктивные и негативные последствия, а в частности к деформации и дисперсии личности. Современный мир – это поле, в котором главным искусством и одновременно способностью является искусство потребления. Это такая форма потребления, в которой количественное деспотически превалирует над качественным. Некоторые формы коммерциализации поведения бывают настолько радикальны, что они проникают и изменяют те сферы, которые не им свойственны (не являются сферой влияния). Например, Делёз Ж. утверждал, что в рамках капиталистической системы любое свойство и родство проходит через деньги, что в итоге приводит к формированию производственных отношений внутри семьи, где каждый лишь элемент потребления [6, с. 64-65]. Современный экзистенциальный маркетинг и менеджмент вещиизма и пользы вызывает в человеке неутолимую жажду, некую иррациональную страсть обладания химерой, в погоне за которой индивид готов пожертвовать не только своим материальным благосостоянием, но и самим собой. Подобный радикальный вещиизм иницирует новое отношение (как говорил Ницше Ф.

«ранг вещей»), в котором и сам человек становится вещью (товаром), которую необходимо выгоднее приобрести (продать), она имеет свой срок годности, популярность и актуальность, и конечно самое главное – свою стоимость.

Проблема цены (стоимости, оценки) и ценности является актуальной для современного человека. Фромм Э. указывал, что в своих потребительских стремлениях главным мерилom для него есть не ценность удовольствия, а рыночная стоимость [17, с. 100]. Сам Ницше Ф. отмечал, что «ценность вещи определяется иногда не тем, чего ею можно достигнуть, а тем, что за неё дают – во что она нам обходится» [11, с. 99-100]. Таким образом, происходит процесс подмены понятий или отождествление цены и ценности. Однако Матвеев П. Е. указывает, что отождествление цены (оценки) и ценности является аксиологической ошибкой [9, с. 44], так как, несмотря на то, что между ними есть связь, одна вещь может иметь цену, но не иметь ценности и наоборот, (стоимость отражает среднестатистическую характеристику производственных отношений, тогда как ценность – это индивидуальная характеристика отдельных объектов и субъектов) [9, с. 27]. Для современного индивида, который рассматривает окружающие его вещи и явления с точки зрения прагматизма и утилитаризма, отождествление цены (стоимости) и ценности – это не только форма «нормального и современного» мышления и «объективная» оценка, но и удобный принцип существования, ввиду того, что такое положение вещей исключает ответственность, так как вещизм её исключает.

Стоит отметить, что в современном мире существует тенденция инициализации и увеличение степени популяризации лжи (См. примечание № 9), обмана и иллюзии. Ницше Ф. указывал, что ложные суждения, считающиеся истинными, могут входить в состав перспективной оптики жизни [12, с. 25]. Более того, он предполагает, что принцип обмана может лежать в «сущности вещей» [12, с. 59] и что не существовало бы никакой жизни, если бы фундаментом ей не служили перспективные оценки и мнимости [12, с. 61] (См. примечание № 10). Паскаль Б. отмечал, что «пусть человеку нет никакой выгоды лгать – это ещё не значит, что он говорит правду» [13, с. 88]. Таким образом, ложь может существовать не ради чего-то конкретного, а исключительно ради самой себя, то есть ложь ради самой лжи. Подобная гносеологическая и экзистенциальная патология индивида отчётливо репрезентуется в современном социуме. Более того, Фромм Э. отмечал, что в погоне за модным и богатым, человек питается лишь игрой собственного воображения (См. примечание № 11), то есть красивыми лозунгами, рекламой, ярлыками и т.д. [17, с. 98-99]. Согласно Ницше Ф. в нас есть некая внутренняя воля к переворачиванию истины, к неправде любой ценой (по причине неготовности к ней) [12, с. 93], а также то, что ложь это древнейшая человеческая привычка (даже просто переживая что-то, мы добавляем к этому что-то своё) [12, с. 134]. Человек не может быть простым «зрителем», он стремится быть «производителем». Современный индивид стремится генерировать лишь эфемерные и релятивные феномены, создающие лишь

видимость, но не реальное содержание бытия. Это парадокс современного мира и человека: индивид имеет огромные ресурсы (материальные, информационные и технические) для познания и развития бытия, однако он с неистовым рвением создаёт иллюзорный и релятивный мир иллюзий вокруг себя.

Ложь приятна современному индивиду, и это относится как к тем ситуациям, когда он является страдающим ото лжи со стороны, так и, когда он сам её инициирует по отношению к другим, но самое распространённое среди индивидов – это высшее удовлетворение от лжи самому себе, то есть самообман. Эта форма иллюзии в наибольшей степени отвечает желаниям и потребностям индивида, не требуя ответственности, нравственных принципов и активной деятельности для реализации желаемого. Бахтин М. М. указывал, что человек более уверенно, ясно и полно чувствует в теоретическом мире (главенствуют имманентные законы творчества), и неуверенно, скудно и неясно там, где ему приходится иметь дело с собой, где он центр происхождения поступка, то есть в объективной реальности [2, с. 23]. Если Ницше Ф. указывал на некий страх перед истинной (моралью), то у современного человека – это абсолютная её дислексия и ненависть к ней (См. примечание № 12).

Ложь и иллюзии для современного индивида это некое содержание пространства (подобно как для рыб вода), только в котором и только при таких условиях (реализация лжи) он может функционировать и выжить. В коммерческом мире они являются определённой «валютой» для оплаты собственной жизни. Ложь, иллюзия и обман – это инструмент построения экзистенции современного индивида. СМИ, Интернет, социальные сети и т.п. буквально сплетают искусственное пространство, в котором существует индивидуум, обретая новую форму, сомоидентичность и аутентичность. Кроме того, ложь (иллюзия и обман) есть способ скрадывания, ретуширования индивида. Но она не заполняет индивида каким-либо содержанием, а лишь иллюзиями и релятивными ролями, буквально создавая его сущность. Формируется некая альтернативная личность, которая со временем подавляет истинную (См. примечание № 13).

Несомненно, что Ницше Ф. в своём построении «новой морали» и «нового человека», стремился освободить человека от пут старых нравственных установок, при этом оставляя его ответственным за свой выбор, а также снять определённые ограничения, наложенные традиционной нравственностью. Современный же человек это носитель не «новой» (как это предполагал Ницше Ф.), а «новейшей» морали, который не только не обрёл свободу, а ещё больше загнал себя в ещё большие ограничения. Он постоянно находит себе новых «хозяев», в стремлении избавиться от бремени ответственности (См. примечание № 14).

Ницше Ф. отмечал, что человечество принесло три великие жертвы: человеческие жертвоприношения Богу (тех, кого любим); свои инстинкты Богу; самого Бога за Ничто (всё священное, гармоничное, целительное и т.д.) [12, с. 87]. Однако на этом период жертвенности не закончился. Очередная великая жертва человечества, в частности инициированная современной культурой, –

это принесение в жертву Ничему (пустым идолам (См. примечание №15) и иллюзиям) самого себя (своего «Я», своей индивидуальности, своей личности). Ницше Ф., рассматривая понятие индивидуальности, точнее то, что в него вкладывали его современники, отметил, что «стать «индивидуальным» – в этом добродетель безличных» [11, с. 91]. Делёз Ж., рассматривая экстраполяцию производственных отношений на семью и индивида, которые, по его мнению, являются в подобной схеме лишь потребителями, отмечал, что «театр частного человека есть конечная структура бесконечного субъективного представления» [6, с. 65]. Иными словами, индивидуальность есть лишь копия бесконечно производимого субъективного, например какой-либо системы (социума, производства и т.д.), определяя её рамки. Фромм Э. отмечал, что при всём стремлении человека достичь самоопределения, индивидуализм остался не более чем фасадом, скрывающим то, что человеку не удалось достичь индивидуального отождествления [18, с. 95]. Отметим, что данные утверждения характерны и для современного человека, индивидуальность которого является лишь репликой той системы, с которой он себя отождествляет, в том числе и в аспекте соответствия моральным требованиям и установкам, регламентированным ею же.

Несомненно, что часто для принятия (создания) чего-либо нового необходимо преодоление (разрушение) чего-то старого. Ницше Ф. предполагал, что снятие ограничений, преодоление старых рамок позволит человеку открыть новые грани человеческой экзистенции, морали и мышления. Однако, попытка построения такой свободы, переходящей у современного человека в неощутимую чрезмерную (См. примечание № 16) рассеянность и инфантилизм, привела к экзистенциальному хаосу самого индивида (ментальному, моральному, а иногда и физическому, физиологическому).

Одной из характерных черт современного человека является пассивность и посредственность, нежелание вести сложную борьбу и преодолевать экзистенциальные сложности. Ницше Ф. же рассматривал борьбу как неотъемлемый элемент свободы, как условие её реализации и гарант существования [11, с. 100-101]. Бердяев Н. А. отмечал, что «когда свобода не встречает сопротивления, то она начинает разлагаться» [3, с. 70]. Более того, сам Ницше Ф. указывал, что переоценка ценностей может быть совершена только под гнётом, чтобы укрепить человека, дабы он смог вынести бремя ответственности [12, с. 153]. Однако если у человека отсутствуют какие-либо границы, т.е. нет повода для последующей борьбы, тогда каким образом он будет реализовывать свою свободу (См. примечание № 17). Для многих индивидуумов мораль действительно имеет некий довлеющий характер (См. примечание №18), иногда даже чрезмерный и тиранический, деспотический в своих категорических формулировках. Гусейнов А. А. указывает, что мораль является высшей апелляционной инстанцией в актах [5, с. 692] и индивид – раб моральной необходимости, так как она выше необходимости материального мира, ведь нравственные поступки лишены случайности [5, с. 703-704]. Для современного индивида мораль не обладает категоричным характером. Она,

скорее, интерпретируется как некий свод предписаний, желательных правил, обоснованных и применяемых только при их актуализации событиями (то есть в конкретных ситуациях, иногда для спекуляции и некой прагматической цели), которыми при необходимости можно пренебречь. Формирование свободного и независимого индивида является тенденцией популярной для современного социума, и каждого человека в частности, однако, по своему внутреннему содержанию подобный акт «творения» нового индивидуума представляет собой лишь создание пустой индивидуальности с приматом пассивности и отсутствия независимой самоидентичности.

Несомненно, что для Ницше Ф. такое состояние абсолютно свободного человека – это его «сверхчеловек». Но концепция «сверхчеловека» элитарна. Стоит отметить, что элитарность – это способ защиты предмета или явления от редукции, расщепления и разложения. Однако в современном мире она скорее носит характер бессодержательного пафоса, не имеющего какого-либо внутреннего ценностного содержания, так как основана на эфемерных представлениях, навязанных «исключительными» индивидами. Ницше Ф. разрабатывая концепцию двух моралей, то есть «мораль господ» и «мораль рабов», указывал на особую роль первой для формирования новых ценностей и самого индивида [12, с. 264-270]. Стоит отметить, что современный человек в аспектах нравственного сознания, отношения, поведения и системы ценностей опирается именно на положения «морали господ». Формируя свою мораль, каждый считает себя аристократичным и особенным, но, по сути, это возвращение таких черт как посредственность, пассивность, чрезмерный пафос и тщеславие, которое сам Ницше Ф. считал не свойственным аристократическому типу человека [12, с. 270-271].

Ницше Ф. задавался вопросом о том, может ли человек исходить в своих суждениях из какой-либо конкретной моральной системы и быть абсолютно уверенным в её истинности. Его ответ был, несомненно, нет, поэтому он предлагал выйти за пределы добра и зла, и совершить переоценку ценностей – в частности в сторону нравственного плюрализма, полиполярной морали, основанной на аффектах [12, с. 125-126], исключая бинарную, т.е. жёстко детерминированную. Но в данном случае возникает проблема, заключающаяся в том, может ли сам человек (по своей природе, ментальности, различным установкам) находиться вне какой-то системы, в том числе той, которая инициирует его самоидентичность. Несомненно, что в отличие от животного, которое ограничено своими потребностями (некой естественной системой), человек уже не зависим от неё настолько фатально. Поэтому как отмечал Фромм Э., самоощущенность является важнейшим элементом здоровья человека, и что индивид всегда ищет суррогаты такой индивидуальной идентификации (нация, профессия, класс, клан, «стадо» и т.д.) [18, с. 94-96]. Такая реплицирующая аутентичность в современном мире является индивидуальностью. Парадокс в том, что в стремлении реализовать Своё, исключая какую-либо устоявшуюся систему ценностей (как это представлял

себе Ницше Ф.), современный человек становится механизмом собственных массовых многочисленных систем.

Ценностные положения Ницше Ф. создают мир, где образуется своеобразный векторный вакуум, в котором отсутствуют все ориентиры, кроме одного – это сам индивид (с его волей, в том числе волей к власти). В современной инкарнированной форме данная концепция является фатальной стратегией разрушения и деградации индивида: вместо того чтобы обрести, приобретать и развиваться человек начинает двигаться к саморазрушению. Место самоопределения занимает отсутствие самоидентичности во всех наиболее важных экзистенциальных сферах. То, что должно было стать началом «нового» человека, стало источником создания онтологических систем, в которых человек существует не для себя (См. примечание № 19).

Необычайное стремление современного человека к свободе вызывает ряд вопросов. А готов ли сам человек к такой свободе как, например ницшеанский «сверхчеловек»? Способен ли он сам создать личностную мораль (хотя по сути это будут также рамки и границы)? Что для него является свободой, и предполагает ли это тождество с вседозволенность? И многие другие. В действительности, вопросов больше, чем ответов. Для современного человека (пассивного и посредственного) решение подобных проблем и вопросов слишком сложно и трудоёмко. Попытки быстрого их решения или игнорирования приводят к пессимистическим тенденциям. Поэтому реальное состояние индивида, которое единственно может позволить его собственная ментальность, эпистемология (как система взглядов, знаний и понимания) и система ценностей, это экзистенция без вектора, без чёткой аутентичности или идентичности, что не раскрывает его, а наоборот драпирует, ретуширует и разлагает (См. примечание № 20).

Современный человек находится в состоянии ожидания: нового развития, какого-то экзистенциального скачка, нового оформления и т.д. Отсутствие вектора развития исключает возможность прогрессии индивида по причине дисперсии производительных и волевых сил. Поэтому мир современного индивида, а особенно его моральные и ментальные аспекты – это сфера хаоса (См. примечание № 21) и неопределённости. Момент автопойетики (См. примечание № 22) не происходит, а если и происходит то из искусственно созданных человеком сфер, превращающих его в механическую часть своего механизма (политика, идеология, религия и т.д.).

Рэнд А. (См. примечание № 23) обвиняет Ницше Ф. в том, что он не принёс ничего нового в нравственном аспекте, в осмыслении морали, а являлся одним из вариантов, созданных в истории этики, прихотей [14, с. 50]. Возможно, и можно обвинить его в некоторой моральности, точнее в желании того, чтобы мораль оставалась моралью (по своей внутренней архитектонике), даже учитывая, что её содержание иррационально – аффекты. Но его стремление к переоценке ценностей честнее, чем у представителей так называемой этики объективизма. Так называемое «нравственное» содержание в учении последних есть наследие утилитаризма и прагматизма с элементами

ярко выраженной мелкобуржуазной философии. Подобная парадигма воспитания «нового» человека с «новейшей» моралью и ценностями воспитывает потребительское и товарное взаимоотношение между людьми. Эта экзистенциальная коммерция заменяет внутреннее содержание индивида на искусственных идолов современности, и служит меньшинству, которое разрабатывает подобные искусственные миры, где индивид становится лишь механизмом, частью иллюзии, теряя самоидентичность. Даже если и можно предположительно обвинять, философию Ницше Ф. в отсутствии оригинальности, или в каком-либо идеализме (например, в аспекте концепции «сверхчеловека»), хотя, несомненно, это будет необоснованно, но, тем не менее, одними из её центральных задач являются формирование человека (т.е. его учение направлено на личность), создание самоидентичности, инициирование аутентичности и т.д.

Современный мир – это мир радикальных, иногда категоричных и диаметрально противоположных контрастов и крайностей. Бытие избыточной реверсивности, бесконечных переходов и метаморфоз. Индивид в нём погружён в постоянные метания от абсолютной фривольности к категорическому эскапизму и аскетизму. Особенно это характерно для материалистического (прагматического и утилитарного) подхода к существованию индивида. Идеализм также имеет свои недостатки, в том числе и в рамках этического вопроса, особенно если он оторван от реальных явлений и феноменов. Ницше Ф. отметил один из самых страшных недугов идеалистической морали, а именно её гиперболическую теоретичность, некую будущую закостенелость. Такая абсолютная статичность губительна как для самой морали, так и для того, кто её реализует (См. примечание № 24). Нравственность имеет дело с действительностью, то есть с предметами и явлениями, которые имеют инкарнирование во времени и пространстве (здесь и сейчас). Закабаление морали в рамки приведёт к её сущностной секуляризации и ценностной девальвации. Гибкость нравственных положений не исключает общих положений. Институционализация морали, т.е. сведение её к юридическому закону, установление тождества *justitia* (См. примечание № 25) и морали приведут к деградации обеих сфер.

Можно предположить, что Ницше Ф. стремился вдохнуть в мораль новую жизнь, разбудить от теоретического сна, совершить субъективный антропологический поворот, вернуть её к реальности. Многие постулаты морально-экзистенциальных положений данного философа, осознанно или нет, реализуются в формировании «нового» индивида, однако вместо предполагаемой свободы и самоопределения, человек приобретает новые системы его определения, исключающие индивидуальность. Современные индивидуумы позиционируют себя как креаторы новых ценностей и «новой» морали свободного человека, но она продиктована некими стадными положениями, искусственными мифологиями современного социума и т.д. Это «новейшая» мораль, которая «преодолеывает» все системы морали, что существовали до этого времени. По сути своей она лишь деформированная,

искажённая и вывернутая наизнанку форма морали, что существовала и ранее. Она синкретическая и искусственная, иногда обладает массой несоответствий и противоречий, где большинство элементов заменены или полностью уничтожены как рудимент, анахронизм, что-то совершенно лишнее, что образует нравственный вакуум. Современный индивид бесконечно свободен в определении своих экзистенциальных положений и системы ценностей, в том числе моральной, что инициирует высокую степень демократизации, однако не допускает возможности и легитимности негативной и деструктивной фривольности, проявление которой можно видеть в моральной сфере современного общества.

Примечания

1. Барт Р. отмечал, что демонстрация нравственной силы обретает свою конечную ценность лишь постольку, поскольку получает огласку [1, с. 128]. Это актуально для современного морализаторства. Мораль становится неким продуктом, который имеет силу лишь в спекулятивном массовом навязывании. Она то, о чём необходимо говорить, но редко поступать согласно ей. Часто она лишь атрибут дискуссии, особенно это заметно в СМИ, но часто является пустой и бессодержательной.

2. Особенность состоит в том, что каждый индивид выбирает нравственную систему для себя. Он может полностью принять уже сформировавшуюся, или построить свою систему взглядов на её отрицании. Он может взять за основу одну систему и дополнить элементами из другой (других). Или он может создать синкретическую систему из совокупности совершенно различных, а порой даже противоположных элементов, различных нравственных концепций и идей.

3. Ярким примером является «Концепция двойных стандартов» в нравственном мышлении, отношении и поведении, которая проявляется у современного индивида.

4. Ницше Ф. предполагал, что «плодовитым бывает только то, что богато контрастами» [11, с. 38]. Таким образом, некое хаотичное состояние структуры, обладающее разнообразными взаимодействующими и противоборствующими элементами, способствует формированию создания чего-то нового и экстраординарного, в частности в аспекте нравственности – создание новой морали, которая будет отвечать требованиям индивида. По-видимому, для Ницше Ф. это мораль сверхчеловека. Отчасти с этим можно согласиться, но подобное хаотичное состояние имеет и последствия негативного характера. Юм Д. указывал, что величайшие заблуждения берут начало не в бесплодии нашего мышления, но в излишне обильном плодородии [20, с. 50]. Паскаль Б. отмечал, что «...зерно, посеянное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, плодоносит...» [13, с. 94]. Таким образом, подобное предполагаемое «плодородие» хаотичного

многообразия может быть источником иллюзий и заблуждений, а также способом пропаганды какой-либо идеи одного многим.

5. Спиноза Б. утверждал, что «каждый побуждается своим аффектом, кто его не знает – побуждается любым» [15, с. 127]. Ницше Ф., рассматривая борьбу с аффектами (страстями и чувствами) отмечал, что крайняя вражда, ожесточённая борьба с инстинктами и аффектами присуща тем, кто отличается особой крайностью чувственности, кто не имеет сил для радикального лечения от них или не способен отказаться от них [11, с. 37]. В действительности, у современного индивида есть радикальные склонности либо к излишней рационализации (скрывающей высокую степень подавляемой чувствительности), либо к беспечной чувственности (сенсуализму, гедонизму и т.д.). Ницше Ф. отмечал, что возводя разум в статус «тирана», есть опасность, что некое другое начало может также сделаться тираном [11, с. 24-25], и что тиранические инстинкты предъявляют себе наивысшую власть и полное повиновение [11, с. 101].

6. Подобная мораль представляет собой лишь видимость морали, некую иллюзию, которая по сути своей есть лишь её суррогат, однако отличающийся отсутствием категорического и довлеющего характера, исключая необходимость ответственности, а также удобная в спекулятивном, прагматическом аспекте, для получения собственной выгоды и пользы. Больше разрешающей, но меньше запрещающей самому носителю такой морали, но накладывающей на остальных больше обязанностей, чем прав. Это вырождающаяся нравственность.

7. Мертон Р. отмечал, что культура предъявляет невыполнимые условия (высокие требования, и одновременно отсутствие условий выполнения), что приводит либо к устранению индивидом самого себя из невыносимой ситуации, либо к использованию незаконных способов и методов для достижения желаемого, в том числе антисоциального характера [10, с. 36-37]. В современном мире таким незаконным способом может служить и аморальное поведение, которое часто драпируется понятиями новаторства, творчества, популярности и т.д., дабы придать негативной и деструктивной форме поведения и мышления статус «нормы».

8. Фромм Э. отмечал, что принцип «чем больше вещей, тем больше удовольствия» трансформировался в новое понимание, где потребление и есть самоцель, совершенно не связанная с удовольствием, то есть акт совершенно иррациональный и принудительный, в результате которого человек становится пассивным, и возникает различные формы отчуждения [17, с. 99-100].

9. В данном случае необходимо отметить, что ложь это не только некое жёсткое и категорически неверное утверждение. Ложь может строиться и на умалчивании каких-либо фактов, и на спекулятивном их сокрытии. Также лишь частичное или одностороннее освещение того или иного феномена может привести к неверным суждениям и ложному мнению.

10. Более того, Ницше Ф. указывал, что ложь – это буквально инструмент инстинкта самосохранения [12, с. 92].

11. Паскаль Б. отмечал, что воображение – это «людская способность, вводящая в обман, сеющая ошибки и заблуждения, еще и потому так коварна, что порою являет правду» [13, с. 59-60]. Более того, здравомыслящие люди также сильно подвержены его влиянию, так как оно пресекает любые попытки разума развенчать его обман (оно даёт такое довольство, которое не испытывают «питомцы» разума) [13, с. 60-61]. Воображение создаёт вторую натуру человека, что ярко выражено у современного индивида.

12. Паскаль Б. указывал, что человек испытывает глубокую ненависть к правде (истине) и любит обман, если невозможно уничтожить правду – её необходимо вытравить из своего сознания [13, с. 77, 81].

13. Паскаль Б. указывал, что наша натура – первая привычка, а привычка – вторая натура, и что любое чувство может превратиться как бы во врождённое, а врождённое – изгладиться [13, с. 73-74]. Таким образом, ложь как некая привычка может стать фундаментом не только лишь внешнего позиционирования индивидом самого себя, но и стать его внутренним содержанием, то есть его личностью. Данные метаморфозы ярко проявляются у современного индивида, где его воображаемое «Я», затмевает то, что он есть на самом деле.

14. Сам Ницше Ф. указывал, что идея ответственности есть поиск инстинкта наказания и осуждения, иными словами это идея, которая обосновывала возможность наказать и судить, дабы люди были «виноваты» [11, с. 52-53]. Однако, также он утверждал, что признак аристократического типа человека – это не сведение своих обязанностей до уровня других и не передача никому собственную ответственность (не делиться ею с кем-то) [12, с. 291].

15. «В мире больше кумиров, нежели настоящих героев...» [11, с. 8]. Эти кумиры и определяют современного человека – безличного, пассивного, подверженного тенденции актуализации и устарению.

16. Паскаль Б. отмечал, что, несмотря на то, что мы не воспринимаем, точнее не ощущаем, ничего чрезмерного, тем не менее, страдаем от него [13, с. 49-50].

17. Дело в том, что существует мнение о том, что у всех вещей и феноменов должен быть так называемый «табель о рангах». Такое же мнение имел и Ницше Ф. [12, с. 189-190, 192]. Рэнд А. указывала, что разумный человек никогда не стремится получить то, что не может получить своими силами, чего не заслуживает и чего не достоин [14, с. 95]. Но как может быть установлен подобный ранг вещей среди потенциально возможных представителей ницшеанского «сверхчеловека», преисполненного стремления к власти и готового вести борьбу. Человеку вообще, и в особенности современному, свойственно претендовать не только на незаслуженное, но порой и на невозможное. Ведомые аффектами и ошибками суждения, он обосновывает подобную легитимность искусственными и эфемерными системами и концептами.

18. Сам Ницше Ф. отмечал, что «существенно и бесценно в каждой морали то, что она является долгим гнётом» [12, с. 126].

19. Несомненно, что некоторые отдельные индивиды, создающие искусственные системы представлений и взглядов (искусственные мифологии), контролируемые остальных, могут быть исключением (и возможно относительно туманным прототипом «сверхчеловека» Ницше Ф.), однако их положение не является стабильным. Они сами могут стать жертвами собственного творения. Барт Р. описывает подобную механистическую систему, создав которую, сами создатели начинают ей подчиняться как мертвецы [1, с. 257].

20. Это вакуумное пространство духовного и ментального может быть наполнено различным содержанием, человеческому мышлению и волеизъявлению может быть навязан определённый вектор. Современный индивид серьезно подвержен «синдрому распада», особенно в аспектах стремления к мёртвому и нарциссизму [18, с. 88]. Этим и подобным содержанием заполняется ментальная, моральная и духовная пустота под видом индивидуальности, дабы создать механический тип «нового» человека.

21. Понятие самого хаоса неоднозначно. Под ним может подразумеваться не только что-то совершенно не устроенное, алогичное и дезинтегрированное. Например, в религиозном аспекте (в шаманизме), «символическое возвращение в Хаос равносильно подготовке нового акта творения» [19, с. 231]. Или его приравнивание и отождествление с первоматерией [4, с. 400]. Или, например, Гваттари Ф. в своей концепции Хаосмоса (смешение хаоса и порядка), отмечал особое понимание хаоса не как обычной пустоты, а как постоянно меняющейся виртуальности, содержащей все элементы и формы, которые исчезают, не успевая появиться [7, с. 225-226]. Иногда под хаосом понимается система, где устроенность, архитектоника, постоянные смены процессов, причинно-следственная связь и т.д., непостоянны (т.е. бессистемны в наблюдении), но в действительности (потенциально) имеют свой собственный порядок.

22. Это момент автопроизводства, самоорганизации, установление связи и автореференции. Например, концепция «Машины» Гваттари Ф. [7, с. 249]. Также он утверждал, что данный процесс присущ и субъективности [7, с. 319]. Однако машинность, даже в аспекте самоорганизации, субъективности предполагает лишь репрезентацию этой самой системы, но не абсолютной индивидуальности.

23. Критикуя Ницше Ф., сама Рэнд А. указывает, что система объективизма даёт человеку свободу реализации, нравственности и т.д. Однако в действительности, «отсутствие» неких категорических правил – это сведение их к неким как бы «абстрактным» положениям и предписаниям (хотя в действительности они достаточно конкретизированы, и границы правил и норм чётко размечены) объективизма, который имеет приматом положения мелкобуржуазной философии и прагматизма.

24. Хотя, несомненно, в морали существуют постоянные и монолитные положения. Но благодаря своей всеобщности, т.е. достаточно широкому диапазону влияния и распространения, неоднозначной (не юридической)

дефиниции, а также рациональности (имеющей прикладной характер), они представляют собой оптимальный способ существования.

25. лат. *justitia* «справедливость, законность», от *jus* «право».

Литература

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академ. проект, 2014. 351 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. 958 с.
3. Бердяев Н. А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения [Электронный ресурс] // Яков Кротов: Богочеловеческая история : [сайт]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (дата обращения: 20.01.2020).
4. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
5. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 840 с.
6. Делёз Ж. Шизо-поток и погребальная аксиоматика капиталистического социума // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 59-67.
7. Дьяков А. В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности. СПб.: Владимир Даль, 2012. 592 с.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 4. / ред., сост., авт. вступит. ст. и примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1989. 554 с.
9. Матвеев П. Е. Моральные Ценности: монография. Владимир: ВлГУ, 2004. 190 с.
10. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения // Кризис сознания... М., 2009. С. 23-40.
11. Ницше Ф. Падение кумиров: избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: АСТ, 2018. 320 с.
13. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Э. Линецкой. М.: Астрель, 2009. 253 с.
14. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2018. 267 с.
15. Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2001. 336 с.
16. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М. Вульфа. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
17. Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания... М., 2009. С. 97-104.
18. Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания... М., 2009. С. 82-97.
19. Элиаде М. Тайные Общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

20. Юм Д. Диалоги о Естественной Религии / пер. с англ. С. М. Роговина. М.: Профит Стайл, 2007. 192 с.

References

1. Bart R. Mifologii / per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. M.: Akadem. proekt, 2014. 351 s.
2. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. M.: Russkie slovari, 2003. 958 s.
3. Berdyayev N. A. Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniya [Elektronnyj resurs] // Yakov Krotov: Bogochelovecheskaya istoriya : [sajt]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (data obrashcheniya: 20.01.2020).
4. Genon R. Krizis sovremennogo mira. M.: Eksmo, 2008. 784 s.
5. Guseynov A. A. Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, lektsii, interv'yu. SPb.: SPbGUP, 2012. 840 s.
6. Delyoz ZH. SHizo-potoki i pogrebal'naya aksiomatika kapitalisticheskogo sociuma // Krizis soznaniya: sbornik rabot po «filosofii krizisa». M.: Algoritm, 2009. S. 59-67.
7. D'yakov A. V. Feliks Gvattari, filosof transversal'nosti. SPb.: Vladi-mir Dal', 2012. 592 s.
8. Lejbnic G. V. Sochineniya: v 4 t. T. 4. / red., sost., avt. vstupit. st. i primech. V. V. Sokolov. M.: Mysl', 1989. 554 s.
9. Matveev P. E. Moral'nye Cennosti: monografiya. Vladimir: VIGU, 2004. 190 s.
10. Merton R. Vyzov demona antisocial'nogo povedeniya // Krizis soznaniya... M., 2009. S. 23-40.
11. Nicshe F. Padenie kumirov: izbrannoe. SPb.: Lenizdat, 2014. 224 s.
12. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla. M.: AST, 2018. 320 s.
13. Paskal' B. Mysli / per. s fr. E. Lineckoj. M.: Astrel', 2009. 253 s.
14. Rend A. Dobrodetel' egoizma. M.: Al'pina Pablisher, 2018. 267 s.
15. Spinoza B. Etika. M.: AST, 2001. 336 s.
16. Frejd Z. Totem i tabu / per. s nem. M. Vul'fa. SPb.: Lenizdat, 2014. 224 s.
17. Fromm E. Otdelenie ot sebya // Krizis soznaniya... M., 2009. S. 97-104.
18. Fromm E. Sindrom raspada // Krizis soznaniya... M., 2009. S. 82-97.
19. Eliade M. Tajnye Obschestva. Obryady iniciacii i posvyashcheniya. SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 356 s.
20. YUm D. Dialogi o Estestvennoj Religii / per. s angl. S. M. Rogovina. M.: Profit Stajl, 2007. 192 s.

Статья поступила в редакцию 12.02.2020

Статья допущена к публикации 15.06.2020

The article was received by the editorial staff 12.02.2020

The article is approved for publication 15.06.2020